

выявления этой тезы, достаточно лишь воспроизвести ихъ во всей подлинности, и суетность человѣческаго существованія сама собой обнаружится въ нихъ.

Вотъ почему романистъ такъ тщательно соблюдаетъ историческую точность въ своихъ изображеніяхъ. Ему именно важно представить сколь возможно нагляднѣе все несходство съ условіями нашей жизни той обстановки, въ которой шла жизнь людей отдаленныхъ отъ насъ эпохъ. Ибо при свѣтѣ этого несходства какъ разъ и мечется намъ въ глаза указанная выше общность человѣческой судьбы всѣхъ временъ. И если читатель, погружаясь въ написанныя Алдановымъ историческія картины, испытываетъ такое чувство, какъ будто рѣчь идетъ о его времени и о немъ самомъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что автору какъ нельзя лучше удается историческимъ методомъ подвести читателя къ нѣкоторымъ неизмѣннымъ и вѣковымъ элементамъ общечеловѣческой судьбы.

Да, крутятся, сталкиваются и гибнутъ и великіе и малые люди въ вихрѣ жизни, словно « листья въ ноябрѣ ». Вотъ — всемогущая и блистательная Екатерина II распростерта на полу въ видѣ бездыханнаго тѣла и около нея идетъ безконечный гулъ расстроеннаго человѣческаго муравейника : страсти, сплетни, злорадство, коварныя ухищренія, взаимопожиранія справляютъ свой шабашъ тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трупа той, въ присутствіи которой еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ всѣ эти люди не посмѣли бы и вздохнуть скольконибудь громко. Вотъ — пыльный вельможа Безбородко у порога своей могилы. Онъ уже почти трупъ. Курносая гостя уже кружно вѣдлплась въ него костяными пальцами. А онъ все еще строитъ свое благополучіе, развиваетъ гениальную ловкость для своей реабилитации передъ новымъ императоромъ, дрожитъ за свои почести. Вотъ — трагикомедія Неаполитанской революціи. Трупы борцовъ за свободу болтаются, подвѣшенные на мачтахъ, какъ куклы, для удовольствія старѣющей красавицы, на которую не надышется англійскій адмиралъ и которая тѣшитъ своими балетными пантомимами идиотически хохочущаго неаполитанскаго короля. Суета суетъ !..

И когда послѣ всѣхъ этихъ картинъ замъ показывается великаго Суворова, который съ своими чудо-богатырями вдохновенно вспаареть на вершину своей славы, на высоты Чертова моста, — не шевелится ли уже у васъ горькій вопросъ : къ чему, ради кого?

Все это показано ярко, сочно, въ живомъ движеніи подлинныхъ историческихъ красокъ и надо всѣмъ этимъ распростерта свое крыло неуловимая Иронія.

А. Кизеветтеръ.

Д. Мережковскій. : «Тайна Трехъ. Египетъ и Вавилонъ». Пламя. Прага.

Для однихъ — непонятная книга, для другихъ — дерзновенная! Для всѣхъ (или почти всѣхъ) ее прочитавшихъ — несвоевременная : она или слишкомъ далеко въ прошломъ или еще только въ будущемъ, но не въ настоящемъ, а мѣръ-то сейчасъ — все въ настоящемъ. Для автора — книга, говорящая о самомъ главномъ и о самомъ нужномъ.

« Можно говорить о Тайнѣ Трехъ или огненно - пророчески — но кто сейчас пророкъ? — или алгебраически холодно, помня, что алгебра в религіи — то-же, что сухой колосъ для умирающаго, или спектральный анализъ для потухшей звѣзды — погибшаго міра (стр. 36). Такъ авторъ говорить о темѣ книги. Но въдь и про читателя должно сказать : можно слушать о Тайнѣ Трехъ или горя ожиданіемъ пророчества—но кто сейчас горитъ?—или алгебраически холодно...

Вопросъ автора встрѣчается съ вопросомъ читателя, а отвѣтъ даетъ современная жизнь : нѣтъ пророка, нѣтъ и горящихъ ожиданіемъ пророчества. Война убила величіе и тайну смерти, жизнь измельчала, люди устали. Сейчас — слишкомъ много отъ кинематографа. Перспективная глубина жизненной ленты — кажущаяся. На самомъ дѣлѣ вмѣсто нея передъ взоромъ туго - натянутый, «двухъ - мѣрный» бѣлый экранъ. Это даже и не « холодная алгебра », которая уже не такъ «мертва» для начала.

Правда, въ другомъ мѣстѣ авторъ какъ-бы нѣсколько хочетъ раздвинуть поставленные имъ скобки и кромѣ пророка и математика допускаетъ къ темѣ еще и историка : «Эта книга», пишетъ онъ, «есть взоръ, обращенный назадъ, далеко назадъ, до начала времени, потому что тамъ начался тотъ всемірно - историческій путь, съ котораго мы такъ внезапно свернули въ сторону. Назадъ, къ незапамятной древности обращенъ не только мой взоръ, но и воля моя... Тамъ твердыни вѣчныя ; чѣмъ древнѣе, тѣмъ незыблемѣй : римское желѣзо, эллинскіе мраморы, вавилонскіе кирпичи, египетскіе граниты зиждуются на одномъ единственномъ, въ основаніи міра заложенномъ Камнѣ.» « Камень, который отвергли строители, сдѣлается главою угла » (Стр. 64).

Но и этотъ историческій подходъ къ темѣ — не подходъ для читателя, ибо онъ лишь кажущійся. Не въ « исторіи » центръ тяжести « Тайны Трехъ », и не въ прошломъ взоръ и воля автора. Его пафосъ обращенъ не «назадъ, къ незапамятной древности». Египетъ и Вавилонъ, поставленные въ заголовкѣ, не тема книги, а лишь первыя два доказательства взятой темы. Первыя два — ибо книга не кончена. « Исторія », конечно, есть въ книгѣ, но она исчезаетъ для читателя прежде, чѣмъ успѣваетъ наступить. Когда читатель доходитъ до Египта, и Вавилона, то онъ уже знаетъ, что не его зовутъ въ Египетъ и Вавилонъ, а обратно — Египетъ и Вавилонъ переносятся въ наши дни, и ими хотятъ « оживить » современность.

« Пусть я говорю не такъ, какъ надо, и не то, что надо ; но я говорю не то, что всѣ. Вообще, христіанство, со Скалы сходящее (т. е. внѣ-церковное. Скала — Церковь. И. Д.) и, особенно, невидимая часть христіанскаго спектра — Троица, Тайна Трехъ — и есть сейчасъ (курсивъ мой - И. Д.) линия наибольшаго сопротивленія » (стр. 8). Здѣсь въ этомъ « сейчасъ » — весь пафосъ книги, ибо «міръ дошелъ до какой-то крайней точки, до какого-то острія, «какмѣ», и весь на немъ колеблется, какъ на остріѣ ножа». (Стр. 9).

По ощущенію автора «Тайны Трехъ» мы передъ какимъ-то исходомъ : сегодня или завтра — гибель или спасеніе? «Мнѣ все больше

кажется, что не только вашъ русский, но и всемірный корабль погибнетъ. А когда съ тонущаго корабля кидаютъ бутылку съ письмомъ, то надѣются, что кто-нибудь найдетъ его и прочтетъ». (Стр. 9).

Вмѣсто «прошлаго» исторіи передъ читателемъ встаетъ будущее. Стало-быть, погибнетъ не весь міръ? Какой-то «Ковчегъ» спасется и доселѣ гибели міра найдетъ свой «Арабатъ». Для чего же? Чтобы изъ «письма въ бутылкѣ» узнать, что было въ Египтѣ и Вавилонѣ?

Я чувствую, что вопросъ «для чего» совершенно не интересенъ и самому автору «Тайны Трехъ», т. к. въ немъ слишкомъ большой процентъ «алгебры», историческаго анализа.

Не «для чего спасется», а «во имя чего долженъ спастись» тотъ, кому предназначена бутылка, — вотъ основная тема книги, вотъ вопросъ, который стоитъ во весь ростъ передъ религіознымъ мыслителемъ. И читатель начинаетъ сознавать, что Д. С. Мережковский, отказавшись отъ «алгебры», отказывается и отъ «исторіи», и избираетъ путь «огненнаго пророчества»: онъ ищетъ не того, что было, а того, что всегда есть, и будетъ, что не погибнетъ никогда.

«Христосъ танитъ въ язычествѣ, въ христіанствѣ открывается. Христіанство есть откровеніе. Апокалипсисъ язычества» (стр. 28) — вотъ путь духовнаго роста человѣчества.

«Озирись египетскій, Таммузь вавилонскій, Адонисъ хаанаано-эгейскій, Аттисъ мало-азійскій, Митра иранскій, Діонисъ эллинскій, — въ нихъ во всѣхъ — Онъ. По слову апостола Павла: это есть тѣнь будущаго, а тѣло во Христѣ». (Стр. 27).

Во имя чего спасались до сихъ поръ, во имя того-же должны спастись и теперь: отъ тѣли Распятаго — къ Распятому; отъ Распятаго — къ Воскресшему и Вознесшему; отъ Воскресшаго и Вознесшаго — къ Нисходящему. Этотъ путь и названъ авторомъ «Тайны Трехъ» — однимъ единственнымъ, въ основаніи міра заложеннымъ Камнемъ — «Камнемъ, который отвергли строители, дѣлается главою угла».

Я рискнулъ назвать «Тайну Трехъ» книгой дерзновенной.

Дерзновенной, ибо она — «отъ пророчества»: самъ-ли авторъ дерзаетъ на это или онъ ждетъ дерзновенія отъ другого — это вопросъ преждевременный; пусть книга придетъ къ своему концу, и тогда мы получимъ отвѣтъ на поставленный авторомъ вопросъ — «но кто сейчасъ пророкъ?» — Но толь книги, путь ея — безусловно пророческій, и не только пророческій, но и стремящійся положить (или во всякомъ случаѣ, намѣтить) нѣкую новую грань на этомъ пути: до грани была какая-то ошибка — отсюда и ожиданіе гибели «міроваго корабля».

«Я хорошо понимаю, что сейчасъ подъ ногами того, кто говоритъ, какъ я говорю, земля проваливается, если только онъ не стоитъ на той Скальѣ (Церкви), о которой сказано, что «врата ада вы не одолѣютъ Ея». Я не стою на Ней, или не всегда стою, иногда схожу (курсивъ мой. И. Д.). Почему и зачѣмъ, объ этомъ послѣ, а сейчасъ скажу одно: для стоящихъ на ней уже безразлично что земля проваливается, и міръ погибаетъ. «Царство мое не отъ міра сего», такъ именно поняты эти слова на Скальѣ. Я ихъ не такъ

понимаю : для меня не безразлично, что міръ погибаетъ. Я знаю, что нѣтъ иной Скалы, и что стоящіе на Ней спасутся; но также знаю, что такимъ, какъ я, нельзя иначе спастись, какъ съ погибающимъ міромъ» (стр. 8).

Въ этихъ словахъ отправная точка автора «Тайны Трехъ»: или намѣчается и будущая, пока еще невидимая, а лишь ощущаемая тема — новое христіанство, не то, какое было до сихъ поръ. «Христіанство, со Скалы сходящее, и, особенно невидимая часть христіанскаго спектра — Троица, Тайна Трехъ», что является «сейчасъ линіей наибольшаго сопротивленія». Этими же словами намѣчается и новый путь, пока обозначенный лишь отрицательнымъ опредѣленіемъ «схожденія со Скалы», «не-пролеганіемъ» черезъ существующую церковь.

«Тайна Трехъ» ставитъ сомнѣніе возможность дальнѣйшаго внутри-церковнаго развитія христіанства: или оставайся въ Церкви — стой на Скалѣ — и будь въ прошломъ; или, если хочешь имѣть свою часть въ будущемъ — уйди изъ Церкви — сойди со Скалы. Такъ ли это?

Другими словами — надо-ли уйти изъ Церкви, чтобы свободно думать и говорить объ этой «линіи наибольшаго сопротивленія»?

Автору «Тайны Трехъ», Церковь мѣшаетъ. Изъ «Тайны Трехъ» видно, что Церковь ограничиваетъ его свободу, потому что неправильно думаетъ о мірѣ и уходитъ отъ міра во имя собственнаго спасенія. Настоящая краткая замѣтка не даетъ возможности остановиться на приведенныхъ словахъ Д. С. Мережковскаго, а, между прочимъ, ихъ значеніе очень важно, ибо они — какъ уже сказано — отправная точка. Надо лишь отмѣтить, что между «стоящими на скалѣ» и «сходящими, что они стѣбятъ на скалѣ» — непроходимая пропасть. Очень часто вгоры говорятъ за церковь, но это не значить, что такъ говорить сама Церковь.

Для Распятаго міръ есть Божественная цѣль Его служенія и служенія Его преемниковъ, а установленная Имъ Церковь-Скала есть Божественный путь къ этой цѣли: нѣтъ пути (схожденія со Скалы) — безнадежна цѣль; нѣтъ цѣли (міръ погибъ) — безцѣленъ путь.

Дерзновенность «Тайны Трехъ» и заключается въ томъ, что книга-1-ыхъ, избираетъ «пророческій путь», а во-2-хъ идетъ путемъ «внѣ церковнымъ».

Можно-ли соединить эти два пути или здѣсь скрыто неустранимо противорѣчіе — именно этотъ вопросъ и выходитъ далеко за рамки данной замѣтки.

«Тайна Трехъ» — не закончена: «эту книгу, начатую здѣсь, и чужбинѣ», пишетъ Д. С. Мережковскій, «дай мнѣ, Господи, кончить на родинѣ. Возврати мнѣ землю мою, Тѣло мое! Оживи меня мерваго!» (стр. 69).

Вообще писать о неоконченномъ трудно, особенно же трудно дать полный отзывъ о такой книгѣ, какъ «Тайна Трехъ». Нѣтъ никого сомнѣнія, что она — «итожная». Ею заканчивается опредѣленный этапъ, пройденный писателемъ. Постъ нея должно начаться что-то новое.

Религиознымъ исканьямъ Д. С. Мережковскій отдалъ почти всю свою литературную жизнь. Этихъ исканий можно совершенно не понимать; съ ними можно не соглашаться, бороться, но никогда не надо забывать, что за ними — десятилѣтнй думы и труда. И къ чему же привели автора эти десятилѣтнй?

«Я себя не обманываю», пишетъ онъ, «я знаю, что не страшными и даже не смѣшными кажутся слова мои, а только пустыми въ «пустомъ домѣ», гдѣ ихъ слышать некому. «Господи, пусто и страшно въ мирѣ Твоемъ» (Гоголь). Такая пустота, такая скорбь въ мирѣ, какой не было отъ начала міра. Говорю бѣднымъ языкомъ человѣческимъ, но молню, а не кощунствую. (стр. 363).

Остановимся передъ этими словами — пусть молитва будетъ доведена до конца.
И. Демидовъ.

«Благонамѣренный». Журналъ русской литературной культуры. Книга II.

Второй номеръ «Благонамѣреннаго» и лучше (цѣльнѣе) и хуже (бѣднѣе) перваго.

Будемъ надѣяться, что третій счастливо объединитъ относительное богатство перваго съ относительною цѣльностью второго. Нѣкоторымъ ручательствомъ того, что наши надежды оправдаются, является та внимательная любовь къ русской литературной культурѣ, которою бесспорно исполнены какъ содержаніе, такъ и вѣщность новаго эмигрантскаго журнала.

Въ отдѣлѣ поэзіи надо прежде всего отмѣтить «Соррентійскія фотографіи» Владислава Ходасевича. Эти стихи не принадлежать къ лучшимъ вещамъ поэта, но они все же очень хороши: въ нихъ есть и характерное для Ходасевича умное чувство жизни и то органическое чувство формы, съ которымъ нечего дѣлать формалистамъ.

«Старинное благоговѣніе» М. Цвѣтаевой, врядъ ли принадлежащее къ послѣднему періоду ея творчества, читается безъ той острой радости, которую мы привыкли испытывать надъ строками этого крупнаго поэта.

Въ стихахъ молодыхъ писателей — Давида Кнута и Шаховскаго неприятно переключаются ноты какъ будто бы еще преждевременнаго поэтическаго самокоронованія. Талантливая поэма Кнута посвящена великой темѣ: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Апполонъ», и заканчивается свыше обращенными къ Давиду Кнуту словами:

- « Такъ будешь жить въ гармоніи безбрежной,
- « Такъ будешь чтить обѣтованный ладъ.
- « И слушать звукъ, и ждать его прилежно,
- « И умножать великолѣпный кладъ.

Также несомнѣно скромно звучатъ и слова Шаховскаго.

- « Ступайте прочь, сжигальщики мои,
- .....